

0 - 781018

На правах рукописи

Мигранова Лилия Шатлыковна

**ФРАЗЕОЛОГИЯ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»
КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
Л.Н.ТОЛСТОГО**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Уфа-2010

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор
Саяхова Лена Галеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хайруллина Райса Ханифовна
кандидат филологических наук, доцент
Мансвётова Елена Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Защита состоится «3» марта 2010 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212. 013. 02 при Башкирском государственном университете по адресу: 450074, Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, гл. корпус, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Автореферат разослан «29» января 2010

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

В.Л. Ибрагимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В контексте антропоцентрической парадигмы лингвокультурологии художественный текст рассматривается как уникальный факт национальной и мировой культуры, феномен индивидуального творчества, продукт речемыслительной деятельности автора, источник познавательной информации. «Изучая и усваивая язык писателя, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое языком» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

Национальный образ мира более всего отражается на фразеологическом уровне языка. Выполняя функции культурных знаков, фразеологические единицы (ФЕ) способны отображать культурное самосознание народа. Более глубокой интерпретации художественного текста способствуют исследования, связанные с изучением и описанием роли ФЕ в образной системе художественного произведения, в организации идиостиля писателя. В диссертационном исследовании представлен комплексный анализ ФЕ в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в котором фразеологические обороты обладают высокой частотностью употребления, являясь ключевыми выражениями, отражающими образное мировидение автора.

Актуальность исследования обусловлена тем, что с развитием антропоцентрической парадигмы лингвокультурологии стало возможным под иным углом зрения рассматривать функционирование ФЕ. Мировосприятие, миропонимание, концептуализация мира у каждого этноса национально специфичны, в языке любого народа свой способ кодирования окружающей действительности. Фразеологизмы выступают как своеобразные семиотические коды, позволяющие проникнуть в историю, культуру, менталитет народа. Этим определяется возможность изучения ментальных конструктов через фразеологические репрезентации.

Объектом исследования является фразеология текста романа, Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Методом сплошной выборки нами выявлено в романе и проанализировано 405 ФЕ, с учетом их употребления – 640 ФЕ.

Предмет исследования составляют языковые свойства и характеристики ФЕ, связанные с отражением языковой картины мира Л.Н. Толстого, его идиостиля, основополагающих идей и ведущих мотивов в романе.

Существуют разные взгляды на содержание понятия фразеологии. В нашей работе к фразеологии мы относим все воспроизводимые сверхсловные образования разной степени сложности, независимо от характера слитности компонентов – фразеологизмы, паремии, афоризмы, крылатые слова и выражения, прецедентные высказывания, а также индивидуальные, типические особенности словоупотребления, словосочетания и фразообразования в творчестве писателя. Использование всей палитры, всего многообразия ФЕ позволяет полнее и плодотворнее изучать национально-

культурную специфику ФЕ, что является актуальным для изучения русского менталитета.

Материалом исследования послужил текст романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1873-1877 гг.).

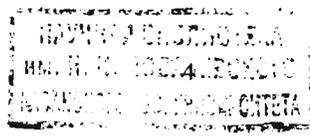
Выбор данного романа в качестве объекта исследования не случаен. Это одно из центральных произведений русской литературы 1870-х годов крайне важное для понимания религиозно-нравственных исканий писателя, его поздних этико-философских воззрений. Роман «Анна Каренина» называют «пушкинским» романом Л.Н. Толстого. Пушкинская емкость в сочетании с религиозно-нравственной концептуальностью романа объясняет афористичность языка «Анны Карениной», насыщенность его фразеологизмами, культурными цитатами и реминисценциями.

Цель работы — комплексное изучение ФЕ в романе «Анна Каренина». Фразеологизмы, являясь активными средствами создания авторской позиции, способствуют декодированию авторского замысла, передают специфические черты языковой личности писателя.

Названная цель предполагает постановку и решение следующих конкретных задач исследования:

- 1) выявить и проанализировать состав ФЕ в романе, их тематическое своеобразие, стилевую принадлежность;
- 2) охарактеризовать особенности употребления и функционирования узуальных и трансформированных ФЕ, а также окказиональных устойчивых оборотов, отражающих специфику идиостиля писателя, черты его языковой личности;
- 3) выявить специфику реализации текстообразующей функции фразеологизмов, интертекстуальные связи романа, обусловленные фразеологическими средствами;
- 4) описать образы ФЕ с позиций лингвокультурологии в рамках культурных кодов;
- 5) рассмотреть место и роль фразеологии в концептуальной структуре романа;
- 6) составить лингвокультурологический словарь-комментарий «Полнота страдания и пустота счастья», в котором отражена фразеологическая картина мира романа.

Методологической основой исследования послужили: философская доктрина о связи языка и мышления, взаимосвязи языка и культуры, представленная в работах В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, Ю.Д. Апресяна, С.А. Аскольдова, идеи Н.Ф. Алефиренко, В.И. Шаховского и др. о способах вербального кодирования культурной информации; учение А.А. Потебни о внутренней форме слова; элементы идеологии антропоцентризма, нашедшие свое выражение в трудах А.Д. Швейцера, В.И. Шаховского, Ю.М. Малиновича и др.; концепция

языковой личности, рассматриваемая в работах Ю.Н. Караулова, О.А. Леонтовича, В.И. Карасика; положения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвострановедения (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, В.М. Шаклеин, Е.С. Яковлева, В.В. Воробьев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, З.З. Чанышева); художественной семантики (В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман); теории фразеологии и фразеографии (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н.М. Шанский, А.И. Ефимов, В.Л. Архангельский, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, В.М. Мелерович, В.Н. Телия, А.В. Кунин, Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, Р.И. Яранцев, Р.Х. Хайруллина, Roos).

В диссертации используются общие и специальные научные методы исследования: метод сплошной выборки исследуемого материала, описательный метод, метод компонентного и концептуального анализа, метод комплексного анализа (стилистический, контекстуальный, анализ ключевых слов), метод описания языковой картины мира писателя, метод лингвокультурологического анализа художественного произведения, статистический метод, метод идеографического описания фразеологии.

Научная новизна диссертационного сочинения заключается в комплексном анализе фразеологической системы романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»:

- ФЕ исследованы в семантическом, функционально-стилистическом, функционально-прагматическом, этимологическом аспектах;
- рассмотрены внутрисистемные, индивидуально-авторские (узуальные) трансформации ФЕ, дан подробный комментарий окказиональных устойчивых оборотов;
- фразеологические обороты проанализированы с лингвокультурологических и когнитивных позиций;
- дана характеристика ключевых фразеологизмов, раскрывающих языковую картину миру писателя.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении места и роли ФЕ в структурно-семантической организации художественного текста. Теоретическая ценность состоит в получении новых сведений об индивидуальной языковой картине мира Л.Н. Толстого на фразеосемантическом уровне.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке теории художественного текста, применены для описания идиостиля писателя и представляют интерес при решении вопросов о соотношении в художественном тексте национальной картины мира и индивидуальной языковой картины мира писателя, а также при интерпретации лингвистической семантики текста в лингвокультурологическом аспекте.

В диссертации представлена система базовых понятий, в рамках которых проводится функционально-прагматическое исследование фразеологии на основе комплексной методики разноаспектного анализа.

Практическая значимость исследования диссертации состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в школьном и вузовском курсе русского языка и литературы, в спецкурсах по лингвокультурологии, фразеологии, лингвистическому анализу художественного текста. На основе диссертационных материалов автором был разработан спецкурс для студентов филологов «Лингвокультурологический анализ художественного текста».

Материалы исследования востребованы в лексикографической (фразеологической) практике при составлении словаря языка Л.Н. Толстого.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. ФЕ выполняет собственно языковую и культурную функции. Языковая семантика и культурная коннотация заложены во фразеологическом значении. Во внутренней форме фразеологизмов раскрывается уникальность духовной культуры народа, специфика языка.

2. В тексте исследуемого произведения фразеология занимает значительное место. Состав фразеологизмов разнообразен с точки зрения происхождения (славянские, библейские, античные, интернациональные, калькированные) и в плане тематической и стилистической принадлежности. Выбор ФЕ, тип трансформации, частота употребления обуславливаются авторскими особенностями мировидения и особенностями языковой личности писателя. Экспрессивно-стилистические функции фразеологизмов в романе раскрывают специфику творческого метода автора.

3. Фразеология как важный элемент языковой картины мира подвержена инновациям. Анализ основных способов модификации ФЕ в тексте романа позволяет раскрыть своеобразие языковой картины мира писателя, выявить влияние национальной картины мира на индивидуальную картину мира автора. В творческом использовании ФЕ в тексте романа, в индивидуально-авторских особенностях употребления ФЕ проявляется художественное мастерство Л.Н. Толстого.

4. В романе «Анна Каренина» фразеология выполняет следующие функции: стилеобразующую – отображает на фразеологическом уровне особенности языковой личности автора, своеобразие языковой картины мира писателя, сюжетообразующую – раскрывает ключевые «микросюжеты» и «микротексты» произведения, текстообразующую – фразеологизмы несут содержательно-фактуальную, концептуальную и подтекстовую информацию.

5. Образы исследуемых фразеологизмов являются отражением способа миропредставления, миропонимания автора и могут быть определены в рамках следующих культурных кодов: 1) акциональный – образы, связанные

с различными видами деятельности; 2) анимический – образы явлений природы; 3) антропоморфный – образ человека и частей его тела; 4) духовный – образы религиозных и сверхъестественных представлений человека; 5) фетишный – образы предметов обихода, построек, жилища, его деталей; одежды; пищи; веществ, металлов, минералов и т.д.; 6) биоморфный – образы птиц, растений, животных; 7) витальный – представления человека о жизни и смерти; 8) колоративный – образы, связанные с символикой цвета.

6. Образ Л.Н. Толстого как национальной элитарной языковой личности представлен в лингвокультурологическом словаре-комментарии к роману. Фразеологическая составляющая текста романа является особой чертой авторского стиля, а систематизация фразеологического материала позволяет его описать.

Апробация результатов работы. Основные результаты диссертации обсуждались на расширенном заседании кафедры русского языка и методики его преподавания с участием представителей кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания и современного русского языкознания Башкирского государственного университета (ноябрь 2009 г.). Основные положения и результаты исследования апробированы на международной научно-практической конференции «Русский язык в полиэтнической среде: социокультурные проблемы лингвистического образования» (Уфа 2006), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии» (Стерлитамак 2005), на научно-методическом семинаре «Актуальные проблемы современного лингвистического образования в республике Башкортостан» (Уфа 2007), представлены в виде докладов на Международных и Всероссийских конференциях (Уфа, Москва, Воронеж, Челябинск, Волгоград, Калуга, Томск, 2006-2008), а также в сборниках научных трудов (Воронеж 2008, 2009, Челябинск, 2009).

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Библиографический список включает свыше 400 наименований научно-теоретической литературы, перечень использованных словарей и справочников, в том числе 14 Интернет-источников. В Приложении представлен Лингвокультурологический словарь-комментарий «Фразеологическая картина мира в романе “Анна Каренина” Л.Н. Толстого», классификация фразеосемантических групп «Эмоциональное и физическое состояние человека», «Характеристика человека, его свойств и качеств характера», «Характеристика явлений и ситуаций».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование выбора темы, актуальности предпринятого исследования, определены объект, предмет диссертационного сочинения, сформулированы цель и задачи, определены методология и методы исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации и структуре диссертации.

В первой главе **«Лингвокультурологическое исследование художественного произведения как способ интерпретации языковой картины мира писателя»** раскрывается понятие антропоцентризма как ведущего принципа лингвистических исследований на рубеже XX-XXI вв. Основной постулат данного принципа: изучение языка должно осуществляться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью.

В рамках **антропоцентрической парадигмы** в современном языкознании развивается и приобретает особое значение лингвокультурология, изучающая язык как феномен культуры (определенное видение мира сквозь призму национального языка). Центральная триада лингвокультурологии **«язык – человек (языковая личность) – культура»** обусловлена тем, что язык выступает как выразитель национальной ментальности, а носителем языка и культуры является человек.

В настоящее время в рамках антропоцентрической парадигмы все большую актуальность приобретают исследования в области *лингвокультурологии текста*, истоки которой восходят к трудам В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы. Автором диссертационного исследования был составлен словарь **«Полнота страдания и пустота счастья»**: Лингвокультурологический словарь-комментарий к роману Л.Н. Толстого **«Анна Каренина»**. Создание словаря основано на идее взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, соответственно, дано целостное описание фразеологизма как знака языка и культуры. В словаре представлена фразеологическая система романа **«Анна Каренина»** Л.Н. Толстого. Фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры. Наряду с фразеологической рассмотрена и метафорическая система, поскольку метафора представляет собой способ категоризации мира и транслирует концептуально-культурологическую информацию в художественном тексте.

Словарь позволяет упорядоченно представить результаты описания фразеологической системы романа. В словаре содержится 405 словарных фразеологических статей. Каждая ФЕ снабжена энциклопедической, историко-культурной информацией, к некоторым ФЕ приведена этимологическая справка, аналоги из других славянских или европейских

языков; показаны особенности функционирования фразеологизмов в контексте.

Человек-наблюдатель, живущий в мире и познающий его, не просто снабжен языком как орудием общения – на языке основан и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. В этом смысле человек – это некое звено, соединяющее реально существующий мир (включающий его самого) и язык, отражающий этот мир (и самого человека в его собственном видении и понимании). Таким образом, в центре изучения оказываются внешние характеристики и внутренний мир человека, его личностное мировосприятие, иерархия его собственных смыслов и ценностей, т.е. языковая личность.

В значении понятия *языковая личность* преломляются философские, социологические и психологические взгляды на совокупность физических и духовных свойств человека. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, художественном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д.

Используя понятие «языковая личность» применительно к художественному тексту, мы опираемся на идеи В.В. Виноградова. Создатель текста – автор в своем произведении выражает собственное миропонимание, мироощущение, мировосприятие, а в индивидуальном речетворчестве эксплицирует свои мысли и чувства. Опираясь на базовые положения, высказанные в работах М.М. Бахтина, Б.О. Кормана, Р. Барта, мы рассматриваем личность автора как носителя конкретного мировидения, имеющего индивидуальную природу. Языковая личность автора и есть воплощенное в речевой структуре текста личностное его отношение к предмету изображения.

К числу основных категорий лингвокультурологии относится понятие «*картина мира*», представляющее собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании.

Сознание человека, зафиксированное посредством языка, выступает как объект, изучение которого позволяет раскрыть особенности картины мира, присущей представителю той или иной национальной культуры.

Картина мира – центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия. С помощью опосредующих символических структур человек формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности. Картина мира есть целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека и формируется в ходе всех его контактов с миром.

Взаимодействуя с окружающей действительностью, человек формирует систему взглядов на объективный мир, место в нем человека, на основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы. Таковую систему взглядов принято называть концептуальной картиной мира. *Концептуальная*

картина мира – картина мира, которая является общей, универсальной для людей, живущих в сходных географических, экономических и социокультурных условиях.

Язык – важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Язык является частью картины мира (в качестве семиотической системы), на его основе формируется языковая картина мира. Под *языковой картиной мира* мы понимаем «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, мировидение через призму языка» (Е.С. Яковлева).

Личность развивается в истории, культуре и языке нации, который выступает как один из элементов общественной среды. Личность охватывает всю систему общественно значимых отношений и ценностей. Миропонимание и речевая деятельность человека определяются той национальной культурой и средой, в которой он родился, был воспитан, живет. По мнению лингвокультурологов, лингвокультурная общность идентифицирует национальное самосознание в единицах языка, в том числе во фразеологизмах как особых вербальных знаках языка и культуры. Языковая картина мира, отраженная ФЕ, дает возможность проследить взаимосвязь языка, мировосприятия и ментальности нации.

Лингвокультурологическое направление изучения фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения ФЕ и знаков культуры.

Во фразеологии запечатлено все то, что определяет менталитет народа: богатый исторический опыт, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира, представления о предметах и явлениях, особенности жизни и быта, обычаи, ритуалы, мифы, отражающиеся в образном мышлении данного языкового коллектива.

ФЕ полнее и более образно, чем слово, описывают ситуацию, в лаконичной и в то же время емкой форме через фразеологию выражаются основные составляющие картины мира языковой личности. Так как фразеология формирует фрагменты языковой картины мира, то справедливой представляется мысль о том, что ФЕ скорее интерпретируют мир, оценивают его, а не просто именуют его составляющие, в этом главное отличие ФЕ от лексической составляющей картины мира.

Фразеологическая картина мира является частью концептуальной картины мира в качестве некоего нового знания о мире. Соответственно, фразеологическая картина мира какого-либо художественного произведения представляет особое мировосприятие и миропонимание автора данного произведения.

Художественный текст – это та среда, где достаточно часто возникают новые фразеологизмы, откуда поступают в речевой обиход неизвестные и малоупотребительные выражения, где обогащается их смысловая и структурно-грамматическая природа. Фразеология занимает особое место в ряду языковых средств, с помощью которых Л.Н. Толстой стремился

выразить концептуально значимую для него информацию. Таким образом, исследования функционирования ФЕ в тексте романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» расширяют представления о языковой картине мира писателя.

Во второй главе «**Функционирование фразеологических единиц в тексте романа**» представлен лингвокультурологический и функционально-прагматический анализ ФЕ в романе.

В параграфе «**Стилистический и этимологический аспект фразеологических единиц романа**» дана стилистическая характеристика ФЕ, описаны особенности их функционирования в романе.

В «Анне Карениной» мы наблюдаем развитие новых стилистических качеств прозы Л.Н. Толстого: для писателя важнее не рассуждение, а образ, который должен говорить сам за себя. Автор сохраняет поэтому «живую неправильность речи» и старательно устраняет все, что могло бы показаться «гладкописанием».

ФЕ, активно участвуя в социально-речевой стилизации романа, не только выражают отношение автора к ситуациям, в которые попадают персонажи, дают оценку поступкам героев, передают их чувства и состояния, но и стремятся сохранить языковой колорит картин прошлого, отображают культурные реалии, стереотипы, духовные, моральные, этические ценности описываемого периода.

Л.Н. Толстой в романе употребляет разнообразные с точки зрения происхождения ФЕ: славянские – 57 %, библейские – 5 %, античные – 0,5 %, интернациональные – 2,5 %, кальки – 12,5 %, авторские – 22,5 %.

Книжные фразеологизмы в тексте романа создают колорит эпохи и сохраняют окраску высокого стиля, встречаются как в речи персонажей, так и в авторском повествовании: *пробный камень, камень преткновения, сжечь свои корабли, цвет общества, лучшие умы* и др.

Многие фразеологические сочетания, использованные в романе «Анна Каренина», восходят к книжно-романтической традиции и составляют устойчивый фонд поэтической фразеологии: *узы любви, искра радости, огонь жизни, раны сердца, голос совести, на одре смерти*.

Встречаются в романе случаи употребления *фразеологизмов-терминов* – *борьба за существование, трансцендентные понятия*.

Среди книжных фразеологизмов особое место занимают *устаревшие*, к которым относятся ФЕ, не употребляющиеся в современном русском языке. В «Анне Карениной» находим одновременно как устаревшие, так и современные фразеологические сочетания со сходной семантикой: *сделай дружбу* (Облонский Каренину) и *сделай одолжение* (Кити Левину). Устойчивое сочетание «сделай дружбу», являющееся галлицизмом (франц. *faire amitié*), употребляется не только для того, чтобы подчеркнуть «сословность» героя. Следует обратить внимание также и на то, по отношению к кому употребляется данное выражение.

Многие ФЕ употребляются в романе только в устаревшей форме: *иметь неудовольствие, развязать положение, получить возмездие*.

Относительно широкое использование устарелых выражений в целом является принадлежностью писательской манеры Л.Н. Толстого. При этом следует подчеркнуть, что фразеологические контексты в романе отражают исторически сложившиеся нормы их лексико-семантической сочетаемости в русском литературном языке.

Большую часть в романе составляют **общеупотребительные** стилистически нейтральные ФЕ, служащие средством констатации, уточнения, усиления, конкретизации информации. Например, субстантивные и адъективные ФЕ дают качественную оценку, характеризуют какую-либо сторону явления: *совесть чиста, шансы на твоей стороне, вопрос жизни и смерти*; вербальные - описывают душевные переживания героев: *по уши влюбиться, терять самообладание* и т.д.

Для передачи состояния стыда, смущения, неловкости, стеснения, робости героев автор использует не только «общеизвестный» фразеологизм «*покраснеть до ушей (до корней волос)*», но и «частные», авторские фразеологические сочетания, передающие более тонкие оттенки ощущений: *краска удовольствия, краска оживления, краска стыда, краска волнения, яркая краска покрыла, румянец стыда*. Детерминирующим членом данных устойчивых оборотов выступает существительное *краска*, употребляющееся для изображения скрытого душевного волнения, внешне выражающегося в приливе крови к лицу и покраснении кожи.

ФЕ разговорного и просторечного характера встречаются и в речи героев образованных слоев общества (*типун тебе на язык, хоть шаром покати, видеть насквозь, закидаем шапками*), и в речи крестьян (*ни жива ни мертва, чрез пень колоду*), и в речи автора (*наделать много шума, из кожи вон лезли, припираться к стене*). Сохраняя экспрессию, они характеризуют речь героев, наполняют ее живой разговорной лексикой, основной функцией которой является оценочно-характерологическая и воздействующая.

Разнообразны фразеологические единицы и по экспрессивно-стилистической окраске: в романе можно встретить и грубо-просторечные (*все пойдет к собакам, убирайся к черту*), и неодобрительные (*как коса на камень, кривая душой*), и ироничные (*сильные мира сего, католичнее папы, сливки сливок общества*).

Стилистическая характеристика фразеологизмов тесно связана с источником их происхождения. В романе встречаем две книжные ФЕ, которые восходят к **античной** мифологии и культуре: *платоническая любовь* и *аттическая соль*.

Фразеологизм *аттическая соль* используется в романе дважды: (подсыпать) *аттической соли* и (высыпать) *аттическую соль*. В этом примере наблюдается прием «оживления стершейся метафоры»: не меняя лексического состава самого фразеологизма, словами *подсыпать* и *высыпать*,

находящимися вне границ состава компонентов оборота, создается такая сочетаемость с фразеологизмом, которая вызывает представление о соли в буквальном значении, переводит фигуральный план в буквальный.

В романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой использует *литературные цитаты*, ставшие прецедентными высказываниями, к числу которых относим выражения из текстов различного характера (кроме библейских цитат): «*Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам*» (А.С. Пушкин); «*О моралист! / Не будь, о моралист, так строг!..*» (А.А. Фет) и др. Интертекстуальные источники помогают воссоздать эпоху, философски проанализировать происходящее.

Среди книжных ФЕ особую группу составляют *библейзмы* (фразеологизмы, цитаты, крылатые выражения библейского происхождения). В романе мы выделяем следующие контекстуальные библейзмы: *не по заслугам прости меня, а по милосердию; метать бисер перед свиньями; не ведает, что творит: кто унижает себя, тот возвысится; тайна сия велика есть; отдать кафтан, когда берут рубашку* и др. Л.Н. Толстой акцентирует свое внимание на нравственной стороне Библии, видя в ней философическую глубину. Автор использует в романе такие обороты, в которых сформулированы важнейшие христианские заповеди, основные библейские понятия, такие, как «смирение», «сострадание», «прощение», «любовь». Эти понятия связаны с концептами Бытия, отраженными в Библии.

Некоторые ФЕ имеют в романе ироническую или шутовскую окраску (не имея такой пометы в словаре), т.е. подвергаются десакрализации, например, *в костюме Евы, козел искупления (отпущения), блаженны миротворцы: «Войдя в гостиную, Степан Аркадьич извинился, объяснил, что был задержан тем князем, который был всегдашним козлом искупителем всех его опаздываний и отлучек...»*

Использование в романе античных фразеологизмов, библейзмов, идиом, восходящих к текстам художественной литературы, свидетельствует о том, что индивидуальная языковая картина мира Л.Н. Толстого включена в структуру национальной картины мира и, в свою очередь, содержит основные элементы концептуальной картины мира.

Мировосприятие героев романа, их взгляды на жизнь отражают пословицы и поговорки. Паремии встречаются и в художественных диалогах, и в авторских описаниях. Пословицы разговорно-бытового плана (иногда в усеченной форме) раскрывают особенности народного мировоззрения, мироощущения, дают емкую оценку различных событий и поступков, обозначают обряды, например, *люби кататься* (люби кататься, люби и саночки возить), *взялся за гуж* (взялся за гуж, не говори, что не дюж), *в дождь коси, в погоду греб* (в дождь коси, (а) в ведро греб). Следует также отметить, что основная функция паремий в тексте романа – создание экспрессивного языкового образа.

К калькированным в романе относятся ФЕ из французского языка: *бросить перчатку* (*jeter le gant*), *ложный прыжок* (*faux pas*), *забросили чепцы за мельницу* (*jeter son bonnet par-dessus les moulins*), из немецкого языка - *смотреть сквозь пальцы* (*durch die Finger*) и др.; среди устарелых сочетаний обнаружено 11 калек с французского языка определенной модели: *делать визиты – faire les visites*, *сделать дружбу – faire amitie de...*, *делать шум – faire bruit*, *иметь виды на... – avoir des vues sur...*, *иметь отвращение – avoir de l'aversion* и т.д.

Герои романа «обладают ясно обозначенным тяготением к определенным и разным иноязычным культурам» (Э.Г. Бабаев). Так, поговоркой *без поспешности и без отдыха* (*ohne Hast, ohne Rast*) определяется аккуратность, размеренность, трудоспособность Каренина. Здесь «немецкая» натура Каренина выступает как антитеза натуры русской.

В «Анне Карениной» преобладает существенный пласт иноязычных вкраплений, употребляемых в оригинальном написании: *faire la lessive* (франц. «делать стирку»), *honne soit qui mal y pense* (франц. «стыдно тому, кто это дурно истолкует»), *quos vult perdere dementat* (*quos* (quem) *dues* (Jupiter) *perdere vult, dementat*) (лат. «кого Бог (Юпитер) хочет погубить, того он лишает разума»), *les amis de nos amis sont nos amis* (франц. «друзья наших друзей – наши друзья»). Эти ФЕ выполняют функцию речевой характеристики персонажа, неся имплицитную информацию о его манерах, образованности, либо функционируя в специальных терминологических подсистемах (*delirium tremens, tabula rasa*). Иноязычные выражения, введенные Л.Н. Толстым в текст романа, подчеркивают ситуативную необходимость их употребления, обусловленного потребностью индивидуализировать речь или актуализировать какое-либо свойство, признак, явление, усиливают образность текста, передают специфику национального колорита, элементы различных языков, в результате взаимодействия и интерферирования они повышают смысловые возможности текста, а также подтверждают глубинное осмысление писателем духовной культуры человечества.

К интернациональным ФЕ романа мы относим следующие: *ломать копы* (польск. *latać (kruszyć) kopie*, фран. *romper la lance avec qn*), *пристать с ножом к горлу* (нем. *jmdm. das Messer an die Kehle setzen*), *принереть к стене* (фран. *mettre au pied du mur qn.*, нем. *jmdn. an die Wand drücken*).

Интернациональные фразеологизмы не лишены в то же время национального своеобразия. Калькированный оборот вступает в семантические связи со словами языка-реципиента и может приобрести дополнительные отличительные черты. Например, во ФЕ *напрасное ломание копий* (за что) *за правду* глагольный компонент заменяется отглагольным существительным, что усиливает иронический эффект высказывания.

Параграф «Фразеологические инновации» разделен на две части, в которых дан анализ особенностей индивидуального употребления фразеологических единиц в тексте романа.

Первая - «Индивидуально-авторская трансформация узуальных фразеологических единиц» - посвящена внутрисистемным и индивидуально-авторским преобразованиям ФЕ.

Бесспорно, язык писателя основан на общенародном языке, однако является его индивидуальной разновидностью. Поэтому для характеристики фразеологизмов в художественном тексте важно рассмотреть, как ФЕ преломляются в тексте произведения писателя.

Фразеологическими трансформациями узуальных фразеологизмов называются такие изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранять единство фразеологизма, т.е. оставляют его узнаваемым.

Вслед за А.М. Мелерович, В.М. Мокленко мы рассматриваем следующую классификацию приемов трансформации индивидуально-авторских ФЕ: изменение лексического состава ФЕ за счет расширения, сокращения или замены компонента; изменение грамматической структуры ФЕ; изменения в расположении компонентов – синтаксическая инверсия; переход утвердительных форм в отрицательные; конверсия ситуации; контаминация ФЕ; буквализация значений ФЕ; ФЕ, этимологически восходящие к прецедентным текстам; образование ФЕ по общепринятой (языковой) модели; ФЕ – образные сравнительные обороты; прием изменения семантики ФЕ.

Наиболее выразительным с точки зрения стилистики и значимым с точки зрения влияния на семантику оборота является прием изменения лексического состава ФЕ за счет расширения, сокращения или замены его компонентов. ФЕ распространяются дополнительными словами, не входящими в ее состав как постоянные члены, которые конкретизируют, подчеркивают или ослабляют значение оборота: *смотрит на это* сквозь пальцы; *главный* камень преткновения; *бросали эту* перчатку; *безнадежная* лямка, *которую* тянули; *ногтя его* не стою; *те* комки грязи, *которыми они* бросят. В результате ФЕ приобретает новые черты, особое звучание, становится более детальным, в некоторых случаях создается иллюзия разговорности.

Особый интерес представляет вариант ФЕ *заходить в тупик*, который раскрывает этимологию образования: «*И ему (Левину – Л.М.) неприятно было, когда процесс рассуждения заводил его в тупой переулок*». В приведенном примере благодаря расширению компонента меняется и сам глагол, и его вид (зайти - завести), что приводит к изменению семантики оборота («медленно, увлекая, заманивая, уводить далеко»), здесь также наблюдается конверсия ситуации (*заходить – заводить в тупик*).

Синтаксической инверсии и замене компонента подвергается пословица *Никогда не поздно раскаяться*. В английском варианте пословица представлена так: *исправиться никогда не поздно* (It is never too late to mend), где важно признание своих ошибок, пороков и стремление к их исправлению, желание стать лучше. Для Л.Н. Толстого первостепенное значение имеет раскаяние – осознание своей вины, сожаление (в черновом варианте романа – *«повинную голову не секут, не рубят»*).

В романе встречаются разновидности фразеологизмов, подвергшихся сокращению компонентного состава (имплицированию). Эллиптические варианты с интонационной незавершенностью предполагают домысливание опущенной части: *Люби кататься, люби и саночки возить* → *Люби кататься...*; *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* → *Взялся за гуж...*; *Волос долог, да ум короток* → *Волос долог...*

Конверсия ситуации (термин Ю.Д. Апресяна) – замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом.

Так, глагольные окказиональные ФЕ *по платью проводить, по полушубку изгнать* базируются на конверсной трансформации известной пословицы *по платью (одежке) встречают, по уму провожают*, где глагольный компонент *встретить* (по одежде) заменяется глаголом, передающим обратные отношения – *проводить, изгнать*. В данном примере мы можем наблюдать и необычную замену компонента фразеологизма: *загладить можно вину, ссору, грубость, ошибку*, в тексте романа – *полушубок*: *Кондуктор, противно пословице, хотел по платью проводить меня вон; ... вы тоже..., сначала по полушубку хотели изгнать меня, но потом заступились... Я видел, что вы были в нерешительности насчет меня, но я поторопился начать умный разговор, чтобы загладить свой полушубок*.

Контаминация ФЕ представляет собой неожиданное, оригинальное объединение или слияние частей двух или более ФЕ, в результате которого возникает новый оборот. Это определенный способ языковой игры, при котором учитывается звуковая форма объединяемых компонентов, их аллюзивность, ассоциативность, коннотативные возможности. Например: *Он (Облонский - Л.М.) прочел и другую статью, финансовую, в которой упоминалось о Бенгале и Милле и подпускались тонкие шпильки к министерству*. В этом примере происходит контаминирование двух ФЕ: *подпускать шпильки* и *тонкие намеки*.

Во второй части параграфа «Окказиональные фразеологические единицы» рассмотрены окказиональные ФЕ, которые автор использует для создания нестандартного образа или явления, усиления экспрессии.

К индивидуально-авторским фразеологическим сочетаниям в романе мы относим: *закоулки души; стадо зрителей; вино восхищения; броня лжи; мяч кокетства; знатья с Кларами; приемные комнаты ума; кристаллизация общества*. Исследование подобных устойчивых оборотов, рассмотрение способов варьирования, обновления системных связей в них раскрывает особенности идиостиля писателя. Сближение слов и образование устойчивого оборота происходит следующим образом: ФЕ употреблена применительно к определенной ситуации, характеризует какое-то явление, дает оценку происходящим событиям и т.п., в результате чего приобретает устойчивость, воспроизводимость и конкретное, не выводимое из составляющих его компонентов значение, т.е. начинает обладать чертами фразеологизма.

К примеру, индивидуально-авторская ФЕ *приемные комнаты ума* выступает как ироничная оценка качества характера Свяжского, его показного либерализма, отсутствия твердых принципов и убеждений.

Некоторые устойчивые единицы, принадлежащие перу Л.Н. Толстого, находят отражение в различных словарях и справочниках. Но нужно отметить, что возможности их лексикографического описания не исчерпаны до конца. Толстовские новообразования отмечены в словарях Беркова В.П., Мокиенко В.М., Шулежковой С.Г. [2000], Елистратова В.С. [2004], Н.С. Ашукина, М.Г. Ашукиной [1987]: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему; Все смешалось в доме Облонских; Все образуется* и др.

Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод о том, что фразеологические сочетания обладают неисчерпаемыми возможностями индивидуально-творческого употребления и преобразования. Большое количество приемов модификации ФЕ свидетельствует о мастерстве писателя в использовании окказиональных и трансформированных узуальных ФЕ, об умелом фразеологическом новаторстве художника слова. Индивидуально-авторские ФЕ выражают позицию писателя, дают точную, лаконичную характеристику чему-нибудь. Окказиональные ФЕ эмоционально насыщают текст романа, служат для преодоления автоматизма в восприятии оборотов, своей необычной формой привлекают внимание читателя к значению устойчивого оборота.

В параграфе «Текстообразующая функция фразеологизма в романе» рассматриваются потенциальные способности ФЕ выступать в качестве средства создания текста.

В современной лингвистике текста немаловажное значение придается такой категории, как интертекстуальность (Ю. Кристева); некоторые отечественные исследователи заявляют о том, что всякий текст – это интертекст. К интертекстуальности помимо таких явлений, как реминисценция, аллюзия, цитата (парафраза), относят афоризмы, крылатые слова и выражения, фразеологизмы, паремии. Отношение подобных явлений

к интертекстуальным определяется их воспроизводимостью в памяти говорящего.

При создании любого текста автор опирается на предыдущие, созданные до него тексты, воспроизводя тем самым фрагменты общенациональной когнитивной базы автора и читателя с опорой на их общие культурные знания. Эти знания хранятся в этнической или мировой культурной памяти в виде свернутых культурных кодов. Такие культурные коды соединены и слиты во все языковые знаки, в том числе фразеологические.

Фразеологизмы в художественном произведении занимают ключевые позиции, к которым относятся заглавия, эпитафии, начало и конец произведения и др. В «Анне Карениной» Л.Н. Толстого эпитафией ко всему произведению выступает *мне отмщение, и аз воздам*. Библейское изречение как начало произведения, обладающее кодирующей функцией, раскрывает, освещает, осмысляет повествование. Смысл эпитафии сводится к двум основным трактовкам: 1) в эпитафии заключена тема божественного возмездия, 2) выражена мысль о том, что никому не дано право судить другого человека. Таким образом, эпитафия выступает в произведении как полифункциональный коммуникативный авторский знак.

Отбор языковых средств связан с темой, идеей произведения, авторским замыслом и с авторским мировидением. Использование Л.Н. Толстым тех или иных ФЕ зависит от той концептуальной информации, которую писатель стремится выразить в своем романе. Это и обуславливает концептообразующую роль ФЕ.

Текстообразующая функция фразеологических оборотов проявляется в том, что устойчивые обороты порождают внутритекстовые связи, тем самым создавая семантическую целостность текста романа. Здесь мы говорим о **ключевых ФЕ**. Такими ключевыми ФЕ, на которых держится и строится текст романа, являются, на наш взгляд, *бросить камень /кинут камень/; забрызгать грязью; бить холодом; не бейте человека, когда он лежит /не порядочно бить лежащего/; потерять голову /лечу головой/*. Ключевые фразеологизмы раскрывают концептуальное содержание романа – нравственное падение героини; осуждаемое, неприемлемое отношение общества к героине; наказывает и судит только Бог.

Возможности применения фразеологизмов в художественном тексте значительно шире, чем простое воспроизведение их в речи. Проведенный нами ситуативный анализ ФЕ в художественном дискурсе Л.Н. Толстого раскрывает незримые стороны, потенциальные возможности фразеологизмов, которые не отмечены в словарях. Фразеологические богатства языка оживают под пером писателя и становятся источником новых художественных образов. Употребление Л.Н. Толстым разнообразных фразеологизмов демонстрирует его языковую культуру, предполагает

обширные знания исторических фактов и первоисточников, т.к. требует восстановления буквальных смыслов и исходных речевых форм.

В центре внимания третьей главы «Фразеология романа «Анна Каренина» как средство репрезентации языковой картины мира Л.Н. Толстого» – роль фразеологии в формировании и раскрытии концептуального содержания художественного текста.

В параграфе «Фразеосемантические группы в романе» представлена классификация ФЕ по фразеосемантическим группам.

Концептуализация мира в романе Л.Н. Толстого отражает универсальные законы мироустройства и уникальные идеи, знания, характерные для его собственного мировосприятия.

В результате систематизации ФЕ мы получили три фразеосемантические группы (ФСГ): «Эмоциональное и физическое состояние человека», «Характеристика человека, его свойств и качеств характера», «Характеристика явлений и ситуаций». ФЕ 1-ой ФСГ охватывают сферу переживаний и чувств, психологических состояний героев, в его составе выделено 18 микрогрупп, например, «страдание, душевная боль, терзание»; «насмешка, презрение, осуждение»; «счастье»; «любовь» и др. ФЕ 2-ой ФСГ являются отражением особенностей внутреннего мира персонажей, качеств характера, дают оценку интеллектуальных свойств человека, характеризуют его по социальной значимости, отражают речевой портрет героев, раскрывают взаимоотношения между героями романа, выявляют нравственные ориентиры личности, ее духовное богатство / бедность. В составе данной ФСГ мы выделили 26 микрогрупп: «целеустремленность»; «решительность»; «искренность»; «притворство»; «беспринципность»; «недоброжелательность и т.п. ФЕ 3-ей ФСГ демонстрируют представления действующих лиц о тех или иных событиях, раскрывают особенности быта, жизни того времени, отражают мировосприятие людей той эпохи, определяют «этические» каноны жизни общества конца XIX в. В его состав входит 79 микрогрупп, например, «возмездие»; «предостережение»; «возможность выбора»; «отчаяние»; «вызов»; «смирение» и др.

Структура фразеосемантических групп образует концепцию художественного произведения. Представленная классификация ФЕ в рамках ФСГ раскрывает концептуально значимые, смысловые понятия важные и для самого Л.Н. Толстого. Как показали наши наблюдения, фразеологическая система романа отражает антропоцентрическую модель мира и включает базовые понятия русского национального сознания.

Параграф «Образы культурных кодов фразеологизмов» посвящен определению содержания культурных кодов фразеологизмов и метафор, компонентному анализу и соотношению их глубинной и поверхностной структуры.

Единицами культурного кода являются фразеологизмы и метафоры, а также концепты, мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, традиции, обряды, ритуалы, ценностные ориентации, культурные сценарии. Через эти единицы культурного кода систематизируются, структурируются, получают кодовое обозначение базовые культурные знания, благодаря чему проявляется связь истории с человеком, духа – с сознанием.

Считая фразеологизмы самостоятельными духовными ценностями, мы выделяем в исследуемых ФЕ образы следующих культурных кодов.

Антропоморфный культурный код олицетворяет, очеловечивает предметы окружающего мира, явления природы, различные действия и процессы. Семантические матрицы антропоморфного культурного кода способствуют осмыслению художественной действительности, образов персонажей, раскрывают своеобразие авторских представлений.

В романе образ неустойчивого, переходного времени создается как в кратких и беглых замечаниях героев, так и в их пространных спорах и в ярких художественных образах. Значением многозначного фразеологизма *сходить с ума* определяется и состояние влюбленности, и ревность, и умопомешательство. Данные представления мы объединяем одним общим понятием «хаос», отражающим беспорядочный ход мыслей и чувств человека. Указанный оборот является базовым, поскольку воссоздает положение дел описываемой эпохи – перемены как в обществе, так и в «умах» людей. Квазисимволом сумасшествия в романе обозначено и состояние Долли. Деревенский быт Вронского и Анны Долли воспринимает как «путаницу кружащихся мыслей». При этом под квазисимволом мы (вслед за В.Н. Телия) понимаем языковой символ, репрезентирующий представления об окружающем мире.

Этим же понятием автор через метафорическое описание природы определяет и положение Анны, ее душевное состояние после знакомства с Вронским: *Весь ужас метели показался ей еще более прекрасен теперь. Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком.*

Ночная метель («страшная метель») толкуется как символ стихийной страсти и определяется как вьюга страсти. Метель не только метафора страсти, но и генератор «сумеречного» состояния. Встреча со стихией означает встречу с соблазном, потому что в метели, как и в сумерках, свет и мрак, небо и земля перемешиваются, означая смешение добра и зла во внутреннем мире человека.

Анимический культурный код репрезентирует определенные стороны народного мировосприятия, в частности способ восприятия мира природы и взаимодействия с ним, характерный для представителей той или иной культуры, вербализует представления о природных стихиях.

Ассоциативные нити различных значений пересекаются, аккумулируются, образуя конвергенцию образов-символов: огонь – всепоглощающая стихия; огонь – страсть; огонь – демоническая сила;

огонь – источник жизни, света, тепла на всей земле. Метафорическое значение «сила», «энергия», «страсть», «пылкость», «возбуждение» основано на переносе физического качества огня. Огонь – это и тепло, и пожар, и жизнь, и смерть, и очищающее, и губительное начало. Таким образом, сам огонь неоднозначен (с одной стороны, – свет, тепло, с другой – карающая сила). Кроме того, огонь принадлежал не только небу (огонь Прометея), но и адской бездне (выражения «гореть в аду», «гиена огненная»). Душа и чувства – это внутренний огонь, оживляющий человека, горящий внутри него, что репрезентируется ФЕ *огонь жизни и огонек насмешки*.

В следующих примерах в глаголах *загоралось, зажегся, обжег, блеснул* воспроизведен базовый образ «огня», интерпретирующий представления о сильных чувствах, накале страстей, чувственных наслаждениях: «...в душе ее *загоралось* то самое чувство оживления; *взгляд ее зажегся* знакомым ему огнем; но *неудержимый дрожащий блеск глаз и улыбки обжег* его. когда она *говорила* это; *лицо ее блеснуло* ярким блеском; но *блеск этот был не веселый - он напоминал страшный блеск пожара...*» и др.

В другом примере показана разрушающая сила огня. Огонь – природная стихия, неподвластная человеку, сжигающая все на своем пути. Внутренняя форма единицы *сгоришь* – истреблять огнем – продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Каренин, измученный, обессиленный «борьбой» с неверной жены, бросает слова-проклятия: «...как человек, который бы *тщетно попытался потушить пожар, рассердился бы на свои тщетные усилия и сказал бы: «Так на же тебе! так сгоришь за это!»*.

Для акционального культурного кода характерны различные виды деятельности человека. Этот код отражает представление человека об окружающем мире, взаимоотношениях между людьми, о внутреннем мироустройстве и т.п. посредством определенных стереотипов, эталонов, культурных универсалий.

Сцена сближения Анны и Вронского автором разворачивается как акциональное действие. Чувственная любовь вторгается в область запретного, и потому любовный акт приравнивается писателем к убийству. Автор дает ряд сопоставлений, демонстрирующих парадоксальное совмещение противоречий, в которых просматривается авторская этическая установка: физическая любовь – убийство. Такое выражение любовных отношений определено индивидуальным авторским взглядом на природу взаимоотношений мужчины и женщины, представлениями о сути физической любви. Квазистереотипом физической любви является убийство. По мнению Л. Н. Толстого, связь мужа и жены (плотское соединение) свято тогда, когда производит плод. В этом отношении показательны слова священника во время обряда обручения Кити и Левина: «*сего ради оставит человек отца и мать и прилепится к жене, будет два в плоть едину*», и что «*тайна сия велика есть*».

В XIX в. нарушение супружеской верности мужчиной и женщиной обществом «оценивается» по-разному. Женщина, презревшая устои, законы общества, становится изгоем, ее начинают осуждать, клеймить, обличать. В романе объективированы стереотипные представления о суде, казни, репрезентирующиеся ФЕ *бросят /кинут/ камень, бросят комки грязи, бить холодом*.

ФЕ *лечу головой (вниз) /потерять голову/* раскрывается представление о нравственном падении Анны, которое опирается на авторское осмысление, понимание греха. По Л.Н. Толстому за совершением греха закреплён тип действий – преступление, то есть нарушение Божественного закона. Образ, замещающий грех в тексте романа – грязь. Поэтому Каренина волнует вопрос, как *«отряхнуться от той грязи, которую она забрызгала его в своем падении...»*; *«...Я для этой женщины сделал все, и она затоптала все в грязь, которая ей свойственна»*.

Акциональный код, по нашим наблюдениям, наиболее продуктивно отражает языковую картину мира Л.Н. Толстого, представленную в романе. Используя разнообразные матрицы данного кода, писатель репрезентирует духовный мир личности, тайны психики, постижение законов любви, природу страсти.

Фетишный культурный код относится к миру *Действительное* и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Этот код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человека мира.

Производность любви от желания отмечается практически всеми этимологическими словарями русского языка, например: древнеиндийское *lubhyati* «желание», *lobhas* «желание, жажда», *lobhayati* «возбуждает желание», латинское *lubido, libido* «(страстное) желание», албанское *laps* «желаю, жажду» (М. Фасмер). Таким образом, этимология свидетельствует, что во многих языках семантика любви производна от семантики желания.

В романе «Анна Каренина» «еда» и «питье», «голод» и «жажда» не просто метафорически уподобляются человеческим страстям и желаниям. Мотивы эти приобретают смысл в контексте раздумий Л.Н. Толстого о языческой и христианской культурах, точнее, о современном мире, уподобившемся язычеству. Чувствам своих героев писатель часто придает форму физических ощущений. *«Я знаю свои аппетиты»* – вспоминает выражение французов Анна Каренина. Писатель сближает мотив «еды» и «питья» с мотивом желаний. Желание быть счастливой, потребность в любви, его недостаток представлено автором с помощью метафоры голода и жажды.

В романе в качестве метафоры желания и семейной жизни выступают номинации *калач* и *отсыпной паек*, образующие антонимическую пару. Так, Облонский, обращаясь к Левину, заявляет: *Ты ведь не признаешь, чтобы можно было любить калачи, когда есть отсыпной паек, – по-твоему это*

преступление; а я не признаю жизни без любви. В основу объективации легли признаки предметов: вкусовые качества сдобного калача и его назначение: получать гастрономическое удовольствие (обоняние, осязание), тогда как цель выдачи пайка – утоление голода.

Метафора любовь-пища в тексте Л.Н. Толстого входит как в речь персонажей, так и в речь повествователя. Семантическая связь любовь-пища, коренящаяся в мифологическом мышлении, жива в культуре на всех этапах ее развития: пища и чувственность (сладострастность) неразрывно связаны в Библии, в Дионисиевских праздниках, в римских пирах.

Духовный культурный код составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает поведение, деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру.

В XV главе восьмой части романа возникает спор о «Славянском вопросе и Сербской войне». Спорят о начавшейся Русско-турецкой войне, о справедливости добровольческого движения в пользу сербов, о роли общественного мнения в спорах и об отношении к ним народа.

Кознышев высказывает убеждение, что в добровольческом движении он видит *«выражение человеческого христианского чувства»*, Левин же убежден, что любая война *«есть такое животное, жестокое, ужасное дело»*. В ответ на замечание Левина Кознышев приводит цитату: *«Я не мир, а меч принес...»*.

Евангельское изречение *«Не мир пришел Я принести, но меч»* выражает несогласие и разделение между людьми. Кознышев и его соратники понимают истинное в рамках закона, «меч» употребляют в плане талиона и понимают как «око за око, зуб за зуб». Левин же – как «меч духовный, который есть слово Божие», т.е. с точки зрения закона Добра, говорит о невыраженных законах Благодати.

Первые упоминания о ноже как символе смуты, разделения и разрушения родственных связей находим в «Повести временных лет». Отметим, что писатель также включает в текст романа из «Повести временных лет» варяжский сюжет. Летописное предание демонстрирует мысль о неучастии в «суде» и «мщении» и звучит эхом эпиграфа романа. Как противопоставлены «мир» и «меч», так противопоставлены «общественное мнение» и «воля народа», «деревня» и «город», «закон добра» и «закон зла».

Библеизм-ФЕ *«отдать кафтан, когда берут рубашку»* (слова Облонского Каренину) и метафора *«я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубашку, когда у меня берут кафтан»* репрезентируют формулу всепрощения, непротivления злу, тот христианский закон, который предписывал прощать и любить своих врагов и который был принят писателем как философия жизни.

Таким образом, кодируемое ценностное содержание ФЕ, построенное на широкой общемифологической и общерелигиозной основе, составляет в

целом картину мира, в которой раскрывается мировоззрение того или иного социума или индивида.

Фразеология представляет богатый материал для репрезентации русской национальной картины мира в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Используя неисчерпаемые фразеологические средства русского языка, писатель выступает как творец, и в этом проявляется глубина его мастерства. В художественном тексте отражается эстетический фрагмент языковой картины мира автора, его тезаурус, лексикон. В ходе интерпретации текста читатель приобщается к мировоззрению автора, его ассоциациям, оценкам, эмоциям, в результате формируется целостное представление о концептуальной структуре текста, о языковой картине мира писателя.

В Заключении отражены результаты исследования, обобщены итоги работы, намечены пути дальнейшего исследования проблемы.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

1. Мигранова, Л.Ш. Метафора как фрагмент ценностной картины мира Л.Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Вестник Башкирского университета – Уфа: Башкирский государственный университет. – 2008. – Том 13. – № 4. – С. 967-971 (0,3 п.л.).

Словарь и учебно-методическая разработка

2. Мигранова, Л.Ш. «Полнота страдания и пустота счастья»: Лингвокультурологический словарь-комментарий к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [Текст] / Под ред. проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 230 с. (14,3 п.л.).

3. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Язык как система миропонимания [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Учитель русской словесности: Сборник конспектов уроков дипломантов международного студенческого фестиваля 16-19 октября 2003 г. / Научный редактор Минералова И.Г. – Москва: Издательство «Литера», 2003. – С. 135-147 (0,8 п.л.).

Научные статьи и тезисы докладов, опубликованные в других изданиях

4. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Остранение как основа художественной речи Л.Н. Толстого [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 14 октября 2005 года – Стерлитамакская

государственная педагогическая академия (РБ) / Отв. ред. Н.В. Пятаева: В 2-х т. Стерлитамак: СГПА, 2006. – Т. 1. – С. 220-221 (0,1 п.л.).

5. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Индивидуальная толстовская языковая картина мира (на материале романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого) [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Бочкаревские чтения: Материалы XXX Зональной конференции литературоведов Поволжья: В 4-х т. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – Т. 2. – С. 120-124 (0,3 п.л.).

6. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Счастье как гештальт фелицитарной оценки в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Русский язык и методика его преподавания: Традиции и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 29-30 марта 2006 г. Ч. 1. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. – С. 150-153 (0,3 п.л.).

7. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Понятие нравственности (духовности) в пореформенной России: отражение в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Духовно-нравственное воспитание в образовании: роль социогуманитарных дисциплин: Материалы конференции. Ч. 2. – Уфа: Изд-во филиала ГОУ ВПО МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2006. – С. 116-119 (0,3 п.л.).

8. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Формирование социокультурной (лингвокультурологической) компетенции школьников на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Русский язык в полиэтнической среде: социокультурные проблемы лингвистического образования: Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 225-230 (0,4 п.л.).

9. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. «Одна из правд» романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [стендовый доклад] / Л.Ш. Идельбакова // Материалы II Международных Весенних Толстовских чтений ИМЛИ РАН (15 мая 2007 г.). – Москва, 2007.

10. Идельбакова [Мигранова], Л.Ш. Фразеологические единицы в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [Текст] / Л.Ш. Идельбакова // Актуальные проблемы современного лингвистического образования в республике Башкортостан: Материалы научно-методического семинара. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 176-184 (0,6 п.л.).

11. Мигранова, Л.Ш. «И образ мира в слове явленный...» (на материале романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого) [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Русский язык в условиях интеграции культур: XXVI Расповские чтения: материалы международной конференции (Воронеж, 26-27 февраля 2008 г.): в 2 ч. – Воронеж: ВГПУ, 2008. – Ч. 2. – С. 137-141 (0,3 п.л.).

12. Мигранова, Л.Ш. «Мысль семейная» в индивидуальной (толстовской) языковой картине мира [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г.,

Челябинск. Т. 2. / [редкол.: д.филол.н., проф. Л.А. Нефедова (отв. ред.) и др.] – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – С. 233-237 (0,3 п.л.).

13. Мигранова, Л.Ш. Метафоры в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого / Л.Ш. Мигранова // XII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (21-25 апреля 2008 г.): В 6 т. Т. 2. Филология. Ч. 1. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. – С. 144-149 (0,3 п.л.).

14. Мигранова, Л.Ш. Логоэпистема «все смешалось» в языковой картине мира Л.Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина» [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Межкультурная коммуникация и аспекты преподавания языков и культур. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Калуга, февраль 2008 г.). – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2008. – С. 39-44 (0,4 п.л.).

15. Мигранова, Л.Ш. Былинные реминисценции в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого: Илья Муромец и Константин Левин [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Язык. Культура. Коммуникация [Текст]: материалы 2-ой Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-15 мая 2008 г.: в 2 ч. Ч. 1 / ВолГУ; оргкомитет: О.В. Иншаков (пред.) [и др.]. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – С. 169-175 (0,4 п.л.).

16. Саяхова, Л.Г., Мигранова, Л.Ш. К проблеме прецедентности: роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст] / Л.Г. Саяхова, Л.Ш. Мигранова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе [Текст]: сборник научных трудов. Выпуск 2 / Под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 207-218 (0,7 п.л.).

17. Мигранова, Л.Ш. Лингвокультурологическая характеристика обращений в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе [Текст]: сборник научных трудов. Выпуск 6 / Под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 182-192 (0,6 п.л.).

18. Мигранова, Л.Ш. Концептуальная метафора «любовь-страсть» в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [Текст] / Л.Ш. Мигранова // Научный журнал LINGUA MOBILIS. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т. 2009. – № 2 (16). – С. 20-32 (0,8 п.л.).

Ж —

Мигранова Лилия Шатлыковна

**ФРАЗЕОЛОГИЯ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»
КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
Л.Н.ТОЛСТОГО**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 15.12.2009 г.
Бумага ксероксная. Печать оперативная.
Формат 60x84_{1/16}. Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 1,2.
Тираж 100 экз. Заказ № 22/10.

Отпечатано в полиграфическом участке Стерлитамакской
государственной педагогической академии имени Зайнаб Бишевой:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49.